

**ТРАДИЦИОННЫЕ БРАЧНЫЕ НОРМЫ  
У СКОТОВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ  
ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ**

Среди традиционных обществ Восточной Африки широкое распространение имел институт систем возрастных классов<sup>1</sup>. Этот социальный феномен был присущ как некоторым скотоводческим обществам (галла<sup>2</sup>, масаи), так и народам с хозяйством смешанного типа (консо, ньякюса)<sup>3</sup>. Причины возникновения этого института следует искать, видимо, в сочетании условий, при которых половозрастное разделение труда нашло выражение в особой стратификации общества по принципу сверстничества. В эпоху расцвета обществ, социальная организация которых характеризовалась системой возрастных классов, последняя имела определяющее значение во всем комплексе социальных связей, и нормы этой системы охватывали все стороны общественной жизни, в том числе и порядок вступления в брак.

В самом общем виде система возрастных классов представляла собой следующее<sup>4</sup>. Согласно системе, все члены общества объединялись по принципу сверстничества в группы, которые в соответствии с их «социальным» возрастом относились к той или иной ступени (степени) социального ранга. Число таких ступеней было неодинаковым в разных системах возрастных классов. Так, у нуэр ступеней было три, у галла — пять. Социальный возраст был групповым признаком. Он исчислялся от момента формирования возрастной группы и был одинаков для всех членов группы. Социальный возраст несколько отличался от биологического, поскольку формирование новых групп, составлявших возрастную класс первой ступени, происходило не ежегодно, а через определенный интервал: у разных обществ от трех до тринадцати лет<sup>5</sup>. Таким образом, биологический возраст детей, вступающих в первый возрастной класс, был различным и варьировал от одного года до тринадцати. Естественно, что такое же возрастное различие членов группы сохранялось и в дальнейшем при переходе от первой до последней социальных ступеней. Если взять в качестве примера галла, то группу «сверстников» для приобщения к первой ступени системы собирали всегда в течение восьми лет. Следовательно, группы детей в возрасте от года до восьми лет одновременно инициировались в один возрастной класс первой социальной ступени и считались социальными сверстниками.

Организация очередной возрастной группы (групп) в первую социальную ступень и одновременный переход всех остальных групп в последующие ступени системы возрастных классов оформлялись определенными ритуалами. Последние были различными у разных народов. У одних формирование возрастных групп проводилось просто, без особых церемоний (оторо, нуэр), у других оно сопровождалось пышными празднествами и исполнением обрядов инициации (масаи, галла, ньякюса)<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Проблема перехода скотоводческих народов Восточной Африки от первобытных к классовым отношениям в литературе почти не разработана и нуждается в детальном исследовании. См. *Ольдерогге Д. А.* Население и социальный строй. — В кн.: Абиссиния. М. — Л., 1936, с. 116—117.

<sup>2</sup> Этноним «галла» используется в соответствии с литературой, на которую ссылается автор. Сейчас в Эфиопии предпочтительнее употребление для этой группы этнонима «оромо».

<sup>3</sup> *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука, 1976.

<sup>4</sup> *Legesse A.* Class Systems Based on Time. — *J. Ethiopian Studies*, 1963, v. 1, № 2, p. 1—30.

<sup>5</sup> *Калиновская К. П.* Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки. — Африканский этнографический сборник XII. Л.: Наука, 1980, с. 49—81.

<sup>6</sup> *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1968; *Merkel M.* Die Masai. B., 904.

Права и обязанности членов групп разных возрастных ступеней были различны. У галла, например, в их пятиступенной системе возрастных классов «гада» первая ступень считалась подготовительной<sup>7</sup>. Молодежь второй ступени становилась молодыми воинами. Они участвовали в военных набегах, охраняли стада и поселения от врагов, занимались военной подготовкой и охотой. Молодые воины постоянно устраивали общие для своих возрастных групп трапезы и танцы. Воины, принадлежавшие ко второй возрастной ступени, обладали, таким образом, определенными обязанностями и правами. Однако молодые воины второй ступени не имели еще права вступать в брак. Этот запрет, вероятно, был прямым следствием условий разделения труда в рассматриваемых традиционных обществах, при котором молодые воины должны были быть всегда в воинской готовности и не обременены семейными обязанностями. К третьей возрастной ступени принадлежали группы старших воинов. Переход в эту ступень означал повышение социального статуса, что прежде всего выражалось в разрешении на вступление в брак. Но при этом воины еще не имели права иметь детей. Воины этой ступени могли иметь собственный дом и хозяйство. В полном смысле социальная зрелость достигалась на следующей, четвертой ступени, когда главы семей, принадлежащие к ней, получали право на произведение потомства, и их прерогативой становились функции управления обществом. Члены этой возрастной ступени, так же как и младшие воины, участвовали в военных походах, в общих скотоводческих и строительных работах и т. д. Но главной особенностью их социального положения было то, что из их среды избирались лица, занимавшие ведущие общественные должности. Члены групп последней, пятой, возрастной ступени практически освобождались от активного участия в общественных делах. Они сохраняли за собой право совещательного голоса, образуя как бы совет старейших.

В нашем распоряжении немного материалов, указывающих на принадлежность к институту возрастных классов женской части общества<sup>8</sup>. К тому же основная часть этих материалов весьма позднего времени — XIX—XX вв. Возможно, что поэтому в литературе по этой проблеме принято системы возрастных классов считать только мужским институтом. Однако ряд данных и реконструкция древних форм этого типа социальной организации позволяют считать, что когда-то в прошлом институт возрастных классов был всеобъемлющим и вследствие этого его действие распространялось в известной мере и на женскую часть общества<sup>9</sup>. Главным аргументом, подтверждающим это предположение, является то, что возрастные классы формировались и их члены трудились как хозяйственные коллективы сверстников. В выполнение общих задач по воспроизводству материальной и духовной жизни вовлекались все члены общества. Организация по возрастному принципу обеспечивала рассматриваемым обществам доклассовой эпохи разделение труда между всеми звеньями структуры их социальной организации и воспроизводство ее институтов.

Связи внутри возрастных групп представляли некоторую аналогию родственными взаимоотношениям<sup>10</sup>. Эти социальные связи отражены в терминологии взаимного общения, носившей четко выраженный групповой характер. Так, сверстники любого возрастного класса считались и назывались «братьями» и «сестрами». Группы первой и последней ступеней системы возрастных классов соотносились как «родители» («отцы») и «дети» («сыновья»). Промежуточные ступени соответственно занимали младшие и старшие «братья» и «сестры». Генеалогическое родство между членами групп одного возрастного класса при этом не учи-

<sup>7</sup> Cerulli E. *Etiopia occidentale*. V. I—II. Roma, 1933—1934.

<sup>8</sup> Cerulli E. *The Folk-Literature of the Galla of Southern Abissinia*.— *Harvard African Studies*. V. III. Cambridge, 1922; *Jensen A. E. Im Lande des Gada. Wanderungen zwischen Volkstümmern Südabessinians*. Stuttgart, 1936; *Schurz H. Altersklassen und Männerbünde*. B., 1902.

<sup>9</sup> Более подробно об этом см.: *Калиновская К. П.* Указ. раб., с. 21, 55—56, 96—97.

<sup>10</sup> *Evans-Pritchard E. E. The Nuer: age-sets*.— *Sudan Notes and Records*, 1936, v. 19, p. 262; *Lambert H. E. Kikuyu Social and Political Institutions*. L., 1946, p. 48, 66, 81.

тивалось. Таким образом, родство или отношения внутри и между звеньями системы были социально-возрастные, выражавшие характер групповых связей между социально-возрастными поколениями, разделенными ступенями системы возрастных классов в строгом соответствии с половозрастным разделением труда и социально-экономическими функциями, присущими общественным подразделениям.

С развитием в недрах доклассового общества элементов экономического и социального неравенства, укреплением собственности отдельных семей постепенно менялась хозяйственная основа социальной организации традиционных обществ с системами возрастных классов. Отмирали их отдельные функции, как следствие исчезали из структуры системы отдельные социальные ступени, поскольку менялся и характер общественного разделения труда<sup>11</sup>. Уходило в прошлое то главное, что вызвало к жизни и было сущностью возрастной организации общества — групповой характер производства. Этнографические материалы позволяют до некоторой степени проследить изменения социального института систем возрастных классов. Если на ранних этапах функционирования группы каждого возрастного класса составляли социальные сверстники, а социальная дистанция (т. е. интервал между началом цикла действия системы и ее заключительным этапом) пролегла между первой и последней ступенями, иначе между социально-возрастными поколениями («отцы» и «дети»), то на следующем историческом этапе ситуация в корне изменилась. Принадлежность к первой возрастной социальной ступени стали получать кровные сыновья тех отцов, которые в этот момент находились на последней возрастной ступени. Таким образом, зависимость между поколениями из социально-групповой перешла в индивидуально-генеалогическую<sup>12</sup>. Социальная дистанция разделяла теперь реальные поколения родственников. В зависимости от социального статуса родного отца в иерархии системы возрастных классов в ее структуру включались его сыновья, причем одновременно все, так как не учитывалась разница в их индивидуальном возрасте. В результате нарушалась относительная однородность возрастного состава всех звеньев системы возрастных классов. Эти нарушения накапливались и со временем приводили к полному несоответствию функций и структуры института. Этот период развития систем возрастных классов в литературе принято именовать эпохой трансформации института. По этнографическим данным, это состояние выражалось в том, что системы возрастных классов практически сохранили свои функции в основном в сфере ритуала. Возрастные классы перестали составлять в соответствии с принципом разделения труда производственные коллективы сверстников, так как нарушение возрастной однородности подразделений превратило их в группы, состоящие из разновозрастных лиц, не объединенные общей хозяйственной деятельностью<sup>13</sup>. В новых исторических условиях сложилось иное разделение труда, что имело следствием и изменение сущности и формы социальной организации.

История возрастных организаций народов Восточной Африки ясно показывает зависимость форм и функций социальных институтов от хозяйственной базы общества. Этот регион Африки отличается широким распространением различных форм скотоводческого и смешанного хозяйства<sup>14</sup>. В соответствии с половозрастным разделением труда у большинства народов этой обширной области женщины полностью или частично не допускались к работам, связанным с крупным рогатым скотом. Все действия, связанные со скотом, были мужским делом. В земледелии, наоборот, наибольшая доля труда по уходу за урожаем относилась к женской сфере деятельности. Дети обоего пола до закрепления их принадлежности к системе возрастных классов социально ассоциировались

<sup>11</sup> Legesse A. Gada. Three Approaches to the Study of African Society. N. Y., 1973.

<sup>12</sup> Калиновская К. П. Указ. раб., с. 41—42.

<sup>13</sup> Legesse A. Gada...

<sup>14</sup> Herskovitz M. J. The Cattle Complex in East Africa.— Amer. Anthropologist, 1926, v. 28.

с женщинами и разделяли их трудовые обязанности. Действие принципа общественного разделения труда по полу и возрасту реализовалось в обществах с системой возрастных классов таким образом, что, согласно бытовавшим нормам, мужчины главным образом выполняли функции по охране, управлению и организации общественной деятельности, в то время как в повседневной хозяйственной жизни были заняты в основном женщины и дети. Конечно, нельзя не учитывать роль мужского труда в уходе за скотом, в обработке целины, рытье колодцев. Однако эта деятельность не всегда требовала ежедневного внимания и такого количества рабочих рук, как постоянное домашнее хозяйство (добыча воды, топлива, починка и уборка жилья, приготовление пищи, многократная и трудоемкая обработка земледельческих культур, собирательство и др.)<sup>15</sup>. Чем больше женщин было в хозяйстве, тем успешнее оно велось. Уместно отметить, что экономика и характер разделения труда в традиционном хозяйстве способствовали существованию и воспроизводству полигамной формы семьи, широко распространенной у народов Восточной Африки, и в частности у тех, у которых бытовали системы возрастных классов<sup>16</sup>.

По этнографии этого обширного региона существует обширная литература. Тем не менее далеко неравномерно изучены многие стороны жизни этих народов. В силу давно сложившейся в зарубежной науке традиции отдельные социальные феномены нередко рассматривались изолированно друг от друга и в отрыве от всего комплекса экономической и социальной сфер деятельности обществ. Это, как правило, приводило к одностороннему освещению рассматриваемых явлений. Так, немало трудов посвящено структуре возрастных классов, системам родства, форме семьи, вопросам брачных отношений и многим другим этнографическим проблемам. Однако весьма редки попытки исследователей рассмотреть эти стороны общественной жизни народов во взаимодействии и взаимосвязи.

Как было отмечено выше, в эпоху действия системы возрастных классов принадлежность к ней имела универсальное значение во всем комплексе социальных связей и в первую очередь определяла нормы вступления в брак. В соответствии с этим надо отметить, что в этнографической литературе недостаточно разработан вопрос о соотношении брачных норм, обусловленных правилами системы возрастных классов при наличии в обществе полигамной формы семьи. При такой постановке проблемы встают вопросы, вытекающие из ряда противоречий, содержащихся в исходных этнографических данных.

Условия полигамного брака могли способствовать желательному увеличению потомства в семье<sup>17</sup>. Многочисленность потомства представляла существенную сторону социального престижа у всех народов доклассового уровня развития. Вместе с тем известно, что у рассматриваемых народов Восточной Африки запрещалось продолжать производить потомство тем женщинам, у которых старшие дети уже вступили в брак<sup>18</sup>. В таком случае встает вопрос: каким образом соотносятся нормы полигамного брака, при которых отец, глава семьи, вступая последовательно в повторные браки, имел от всех своих жен потомство, и отмеченный выше запрет на продолжение воспроизводства.

Другой вопрос. Естественно, что при полигамии разрыв в возрасте между супругами с каждым новым браком неуклонно увеличивается. При каждом последующем браке глава семьи брал в жены не свою социальную сверстницу (как это было при первой женитьбе, согласно правилу системы возрастных классов), а женщину из класса, стоящего ниже. Однако в обществах с системой возрастных классов строго действовало правило, запрещавшее брак с дочерьми своих сверстников, так как эти

<sup>15</sup> Gulliver P. H. The Family Herds, L., 1955, p. 50.

<sup>16</sup> Ibid., p. 124.

<sup>17</sup> Gulliver P. H. Op. cit., p. 71.

<sup>18</sup> Hallpike C. R. The Konso of Ethiopia. Oxford, 1972, p. 182—185, 190, 204, 215—216; Калиновская К. П. Указ. раб., с. 30—33.

женщины, согласно социально-возрастной принадлежности являлись «дочерьми» мужчин этой старшей возрастной ступени<sup>19</sup>. Как отмечалось, правила системы возрастных классов предписывали соблюдение социально-возрастного соответствия брачных партнеров. Таким образом, возникало противоречие, выход из которого был возможен либо в постоянном нарушении норм системы возрастных классов, либо в применении этих норм только к первому браку.

Этнографические данные по народам Восточной Африки показывают наличие институтированных женских возрастных классов не во всех обществах этого региона. Тем не менее, поскольку брачные нормы предписывали каждому мужчине, когда и на ком он мог жениться, и с кем брак ему был запрещен, то оказывалось, что на практике эти нормы распространялись и на женщин как на брачных партнеров. Даже в тех обществах, где этнографы не зафиксировали институтированных женских возрастных группирований, вступление в брак закрепляло принадлежность жены к возрастной ступени мужа<sup>20</sup>. Эта принадлежность проявлялась во всех аспектах общественной жизни, причем это главным образом касалось старшей жены. Даже в случае смерти мужа его вдова при выходе замуж снова была обязана в соответствии с требованиями системы возрастных классов выбрать мужа опять из возрастной группы ее покойного мужа. Если женщина умирала, ее хоронили не на месте погребения ее последнего мужа, а на месте погребения первого<sup>21</sup>. Правила социально-возрастной принадлежности при первом браке соблюдалось строго.

Как уже упоминалось, возрастная система устанавливала для всех членов групп определенную степень социально-возрастного родства<sup>22</sup>. Все члены одного возрастного класса считались «братьями» по отношению друг к другу, а параллельные классы женщин были их (и между собой) «сестрами». Каждый вновь формировавшийся класс составлял поколение «детей» по отношению к классу «отцов» высших ступеней системы<sup>23</sup>. Брак между членами классов «отцов» и «детей», относившимся к разным социальным ступеням возрастной системы, был запрещен<sup>24</sup>. Такая норма предотвращала большой разрыв в возрасте между брачными партнерами. Необходимость в такой норме становится яснее, если учесть, что временной интервал между социально-возрастными поколениями «отцов» и «детей» был весьма велик. У галла он составлял 40, у консо — 36 лет. Возрастное соотношение брачных партнеров, устанавливавшееся правилами системы возрастных классов, ярко описано на примере галла, где оно определялось системой «гада»<sup>25</sup>. Возрастные классы в этой системе продвигались, как говорилось выше, через пять социальных ступеней и первоначально формировались из мальчиков в возрасте от года до восьми лет, поскольку интервал между инициациями был восьмилетний. Только по достижении третьей ступени каждый член мог вступить в брак. Если мальчик получал принадлежность к системе «гада» при рождении, то ему к третьей ступени исполнялось 16 лет (по 8 лет в каждой из прошедших двух ступеней). Его жена в первом браке, заключавшемся при строгом соблюдении норм возрастной системы, должна была быть его «сверстницей». В идеале ей тоже должно было быть 16 лет. Через 8 лет происходил единовременный переход всех групп третьей ступени в следующую, четвертую, самую ответственную, отмеченную обрядом обрезания. Последний означал разрешение на производство потомства. Мужу и жене в это время в идеальном случае было бы по 24 года. В течение последующих восьми лет у них рождались дети. При переходе в последнюю, пятую ступень мужу и жене исполнялось по 32 года. Если же они включались в систему «гада» в восьмилетнем воз-

<sup>19</sup> Evans-Pritchard E. E. The Nuer age-sets, p. 263—264; Lambert H. E. Op. cit., p. 66.

<sup>20</sup> Evans-Pritchard E. E. The Nuer: age-sets, p. 264—265; Huntingford G. W. The Southern Nilo-Hamites. L., 1953, p. 114; Merker M. Op. cit., p. 47.

<sup>21</sup> Jensen A. E. Op. cit., p. 349, 378.

<sup>22</sup> См. выше.

<sup>23</sup> Evans-Pritchard E. E. The Nuer. A Description..., p. 258.

<sup>24</sup> Evans-Pritchard E. E. The Nuer age-sets, p. 263—264.

<sup>25</sup> Cerulli E. Etiopia occidentale.

расте, то к концу цикла им было бы по 40 лет. Известно, что в условиях жизни рассматриваемых традиционных обществ способность женщин к деторождению в этом возрасте обычно снижалась. А это значит, что брачная пара по первому браку между «сверстниками» располагала довольно ограниченным периодом времени для воспроизводства. В то же время умножение потомства для таких обществ означало рост социального престижа. Дети были богатством семьи. Чем больше в семье было детей, тем выше было и положение ее главы в обществе. Поэтому в описанной выше ситуации первого брака со «сверстницей» по возрастному классу естественно возникала потребность повторных браков, вытекавшая из стремления улучшить положение семьи. Увеличить социальный престиж ее главы, в значительной мере зависевший от постоянного увеличения потомства и всей семьи в целом. Поэтому каждая повторная женитьба главы семьи приносила ему еще жену и детей и соответственно повышала его социальное положение<sup>26</sup>. Повторные браки заключались через довольно значительный интервал после первого и среди народов Восточной Африки были распространены широко. Ф. Стюарт отметил, что большинство мужчин, достигших 45-летнего возраста, обычно обзаводились одной или более женами в дополнение к первой<sup>27</sup>.

Рассмотрим, какие социальные подразделения представляли резерв для заключения повторных брачных союзов. Следует напомнить, что в обществах с возрастными институтами действовал запрет на брак с дочерьми «сверстников» по возрастному классу, считавшимися общими «дочерьми» возрастной группы их «отцов». Однако возрастной класс «отцов» от класса их «детей» (социальных детей) всегда отделяли по меньшей мере одна-две социально-возрастные ступени, на членов которых это табу не распространялось. К этим ступеням относились младшие (по отношению к ступени «отцов») группы «сверстников», из среды которых можно было брать жен для повторных браков. Разумеется, эти группы были резервом в том случае, если женщин в них было больше, чем их «сверстников» мужчин, для которых параллельные возрастные группы женщин были партнерами для заключения первого брака по норме системы возрастных классов<sup>28</sup>. Но обычно женщин бывало больше. Кроме того, имеются свидетельства, что у некоторых обществ система возрастных классов (консо, нуэр) охватывала своими нормами только старших дочерей каждой семьи, в то время как младшие были свободны в своем выборе брачных партнеров<sup>29</sup>. Поэтому возможно допустить, что нормы возрастной системы распространялись прежде всего на старших детей обоего пола<sup>30</sup>. Скорее всего такая ситуация сложилась в тот период развития традиционных обществ с возрастными институтами, когда генеалогический принцип вытеснил возрастной в организации возрастных классов. И тогда, естественно, место каждого члена в структуре системы возрастных классов определялось не по месту в ней класса его социальных «отцов», а в соответствии с местом в структуре системы его родного отца и главы его семьи. На этом этапе для реализации общих социальных нормативов было вполне достаточно соблюсти традицию только в отношении старших детей.

Помимо рассмотренного резерва для повторных браков был еще один — вдовы. Однако эта категория в качестве резерва была ограниченной из-за правила системы возрастных классов, предписывавшего вдовам выходить замуж за мужчин из возрастного класса их покойных мужей. Правда, некоторые материалы наводят на предположение, что это правило не всегда соблюдалось, а в некоторых обществах вообще такое предписание отсутствовало.

Как уже отмечалось, повторные браки в полигамных обществах мужчины заключали не со сверстницами, а с более молодыми женщинами<sup>31</sup>.

<sup>26</sup> Gulliver P. H. Op. cit., p. 89, 133.

<sup>27</sup> Stewart F. H. Fundamentals of Age-group Systems. N. Y., 1977, p. 55.

<sup>28</sup> Hallpike C. R. Op. cit., p. 113.

<sup>29</sup> Jensen A. E. Op. cit., p. 377.

<sup>30</sup> Hallpike C. R. Op. cit., p. 116.

<sup>31</sup> Stewart F. H. Op. cit., p. 56—57.

Общепринятый в полигамной семье термин «младшая жена» отражал не только ее низшее по сравнению с первой женой социальное положение, но одновременно и ее возраст. П. Гулливер отметил заметное несоответствие у народов Восточной Африки между средним возрастом пары в первом браке и в последующих, когда складывалась полигамная семья<sup>32</sup>. Под средним возрастом этот автор понимал общий возраст брачной пары, т. е. сумму возраста мужа и возраста жены.

Рассмотрим возрастное соотношение партнеров в полигамных семьях, где мужья, становясь старше, брали в жены женщин все моложе и моложе себя<sup>33</sup>. Наибольшее число повторных браков заключалось мужчинами по достижении ими сорока лет<sup>34</sup>. Естественно, чем старше муж, тем больше разница в возрасте его и каждой последующей жены. Поэтому в цепочке полигамного брака происходило постоянное изменение общего возраста пар в составе одной семьи. Общий возраст пары увеличивался значительно медленнее, чем дальше от первого брака, за счет молодости последующих за первой жен. Главным в этой закономерности было то, что благодаря относительно медленному увеличению общего возраста полигамных пар на протяжении длительного времени жизни семьи с одним главой в ней сохранялась способность воспроизводиться. В результате заключения последовательных повторных браков семья постоянно обновлялась и росла за счет жен и детей, упрочивалось благодаря этому хозяйственное и социальное положение семьи и ее главы<sup>35</sup>.

Как видим, выполнение правил системы возрастных классов, запрещавших брак между социально-возрастными поколениями («отцы» — «дети») и требовавших одновременно «сверстничества» брачных партнеров, создавало условия для повторных браков.

Рассмотрим, как в полигамных семьях реализовалось широко распространенное в обществах с системой возрастных классов правило, запрещавшее продолжение производства потомства после женитьбы старших детей. Обычное объяснение, даваемое информаторами, сводилось к тому, что для семьи плохо, когда родители и их дети одновременно производят потомство<sup>36</sup>. У народа консо, например, до последнего времени действовал запрет, обязывавший мать прекратить рожать после женитьбы ее первенца<sup>37</sup>. Каким образом сочеталась табуация, ограничивавшая деторождение, с общим стремлением к росту семьи и увеличению потомства? Ответ мы найдем, видимо, в системе последовательности полигамных браков. Как известно, во всех последовательных парах муж остается постоянно один — это глава полигамной семьи. В то же время жены в каждой паре новые. Когда дети от первого брака в полигамной семье выросли и в свою очередь вступили в брак, их матери запрещалось в дальнейшем иметь детей. В это же время во втором браке брачная пара, имея меньший возраст и не имея или имея маленьких детей, продолжала производить потомство. Когда дети от второго брака женились, их мать переставала производить потомство. Тогда начинало появляться потомство от третьей брачной пары. И так далее. При такой брачной практике в полигамной семье вполне согласовывалось соблюдение запрета на производство потомства после брака старших детей и осуществление тенденции максимального прироста семьи за счет увеличения количества жен и потомства от всех последовательных браков в одной полигамной семье.

В полигамных семьях возникала двойная иерархия старшинства среди потомства одной семьи, причем учет старшинства был связан с системой возрастных классов. Во-первых, соблюдалась степень старшинства по последовательности брака матерей от первой жены к следующей. Во-

<sup>32</sup> Ibid., 55—56; *Gulliver P. H. Op. cit.*, 1966, p. 242.

<sup>33</sup> *Wilson M. Good Company. A Study of Nyakyusa Age-Villages. L.*, 1951, p. 171—172; *Eisenstadt S. N. From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure.* Glencoe, 1956, p. 85.

<sup>34</sup> *Stewart F. H. Op. cit.*, p. 55—56.

<sup>35</sup> *Gulliver P. H. Op. cit.*, 1955, p. 89; *Stewart F. H. Op. cit.*, p. 55—57.

<sup>36</sup> *Hallpike C. R. Op. cit.*, p. 184, 203, 215.

<sup>37</sup> Ibid., p. 46.

вторых, учитывалась степень старшинства детей по времени их рождения внутри каждой отдельной брачной ячейки (от каждого брака)<sup>38</sup>.

Для функционирования возрастной организации было необходимо соблюдение главного норматива — социально-возрастную дистанцию между поколениями, т. е. между классом «отцов» и классом их «сыновей». В эпоху действия этих социальных институтов в их первоначальной стадии возрастной принцип вступления в возрастную систему был всеобщим, генеалогическое родство не учитывалось. Полигамные семьи с их *внутренней* возрастной иерархией не создавали препятствий для функционирования системы возрастных классов, так как все сыновья главы одной семьи, каждый в свое время, последовательно, в зависимости от момента рождения и через определенный в каждом обществе интервал между социально-возрастными поколениями вместе со сверстниками получал принадлежность к первой ступени системы возрастных классов. В дальнейшем, в ходе развития и трансформации института возрастных классов, происходил постепенный переход от возрастного принципа к генеалогическому (отсчет не от группы социальных «отцов» в системе, а от места родного отца в структуре системы), порядок принадлежности к системе изменился. На этом историческом этапе иерархия старшинства в семье обрела первостепенное значение<sup>39</sup>.

Как известно, старшинство детей в полигамной семье устанавливалось по порядку очередности жен главы семьи<sup>40</sup>. Если бы в этих условиях строго соблюдался принцип возрастного старшинства, тогда в одну и ту же группу возрастной системы не могли бы попасть одновременно и старший сын, и его младшие братья. Между тем из данных, характеризующих этот период развития рассматриваемого социального института, видно, что такое явление было широко распространено в ходе трансформации систем возрастных классов<sup>41</sup>. По традиции соблюдалась норма социальной дистанции между поколениями. Однако этот временной интервал (например, у галла сын вступал в систему «гада» только через 40 лет после вступления в нее отца) отсчитывался уже не от поколения социального класса «отцов», а от родного отца вступающего. Поэтому, как только между двумя поколениями социальная дистанция подходила к концу, все сыновья одного отца одновременно вступали в первую очередь системы возрастных классов, получая независимо от их индивидуального возраста одинаковую социальную принадлежность. При этом ритуальное оформление этого социального акта касалось только старшего сына. Далее, с ростом полигамной семьи, когда появлялись дети от повторных браков главы семьи, они также в традиционном назначенный момент, сколько бы их ни было к этому времени в семье, получали принадлежность к системе возрастных классов. Важно отметить, что эти дети приобщались не к первой ступени системы, как в прежние времена, а к той ступени, к которой относились к этому времени их братья по первому браку их родного отца<sup>42</sup>. Таким образом, они как бы догоняли своих старших братьев в системе возрастных классов. При таком положении возрастная неоднородность общественных подразделений неуклонно возрастала. Такое состояние возможно расценить как нарушение традиционных социальных норм, что вполне соответствовало завершающему этапу исторической эволюции института возрастных классов.

В заключение следует отметить, что если рассматривать брачные нормы в условиях системы возрастных классов и полигамные брачные нормы в отдельно взятом обществе, то нельзя не обратить внимания на очевидную их противоречивость. Комплексы этих норм кажутся как бы взаимоисключающими друг друга. Прежде всего это видно в возрастном цензе брачных партнеров. По нормам системы возрастных классов требу-

<sup>38</sup> Eisenstadt S. N. Op. cit., p. 64; Gulliver P. H. Op. cit., p. 64.

<sup>39</sup> Калиновская К. П. Указ. раб., с. 41—42.

<sup>40</sup> Gulliver P. H. Op. cit., p. 64.

<sup>41</sup> Legesse A. Gada. Op. cit.; Prins A. H. J. East African Age-Class Systems, Groningen — Djakarta, 1953, p. 63—65.

<sup>42</sup> Hallpike C. R. Op. cit., p. 181—182.

ется сверстничество брачащихся, а полигамный брак предусматривает уменьшение общего возраста пары за счет все большей разницы в возрасте супругов. Аналогичную кажущуюся «несовместимость» обнаруживает и действие табу на воспроизводство детей родителями после вступления их первенца в брак и весьма позднее для брачной пары разрешение иметь потомство, предусматриваемое правилами системы возрастных классов. Это же несоответствие обнаруживается и в других брачных нормативах, и в их социальных оценках.

Однако если брачные нормы возрастных классов и полигамные нормы рассмотреть в свете изложенного выше, т. е. как единый комплекс брачных норм, тогда становится очевидным, что «несовместимость» этих норм, их противоречивость только кажущаяся. И это естественно, потому что брачные нормы в условиях возрастных классов и полигамные нормы представляли собой, по существу, подсистемы единой брачной системы и взаимодействовали между собой. Так, порядок возрастного сверстничества в полигамной семье соблюдался только при вступлении в первый брак и не действовал при последующих браках. А позднее начало воспроизведения потомства, предусматриваемое порядком системы возрастных классов, восполнялось последующими полигамными браками, в каждом из которых воспроизводилось потомство до вступления в брак первенца.

В эпоху расцвета института возрастных классов полигамная семья с ее двойной внутренней возрастной иерархией не создавала трудностей в функционировании системы, так как для возрастных классов кровное родство не имело значения. В эпоху трансформации института возрастных классов, когда генеалогический принцип стал преобладающим в структуре системы возрастных классов, возрастная иерархия полигамной семьи позволяла устанавливать индивидуальные связи между отцами и их кровными сыновьями, пришедшие на смену прежним социально-возрастным групповым связям. В результате полигамные нормы и нормы возрастной системы составляли единый комплекс норм брачной практики традиционных обществ Восточной Африки.

**Ф. Роуз, Б. Шенс**

#### **БОРЬБА АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА И «КУЛЬТ» ТРУГАНИНИ**

В период подготовки к отмечавшемуся в 1976 г. столетию со дня смерти Труганини и в последующие годы самые разные средства массовой информации Австралии неоднократно обращались к освещению и популяризации ее личности: вышла подробная биография<sup>1</sup>, появились краткие биографические сообщения в журналах (например, в «Абориджинал ньюс», апрель 1975 г.), в 1975 г. была выпущена почтовая марка (портрет Труганини в серии «Великие австралийки». Ей посвящены были фильмы «Последняя тасманийка» (режиссер Том Хайден, 1978 г.) и «Манганини» (режиссер Джон Хони, 1981 г.)<sup>2</sup>. Все это немало способствовало возникновению «культа» Труганини, распространению которого весьма помог и проф. Б. Смит своими пятью радиопередачами «Призрак Труганини», передававшимися Австралийской радиовещательной комиссией в цикле лекций Бойера за 1980 г. и вышедших отдельной книгой<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Ellis V. R. Truganini, Queen or Traitor? 2 nd. ed. Canberra, 1981 (4th ed.— Canberra, 1976).

<sup>2</sup> Рецензии на эти фильмы появились 29 января 1982 г. в лондонских газетах «Morning Star» и «Times».

<sup>3</sup> Smith B. The Spectre of Truganini: 1980 Boyer Lectures. Sydney, 1980.